

Генезис идеи «Великой Болгарии» в 70-х гг. XIX в.

Кузьменко Михаил

Кузьменко Михайло. Генеза ідеї «Великої Болгарії» в 70-х рр. XIX ст. У статті розглянуто питання щодо формування у 1870-х рр. ідеї «Великої Болгарії». Автором проаналізовано і дано характеристику низці чинників суспільно-політичного характеру, що вплинули на оформлення цієї концепції. Належну увагу надано як внутрішньо-, так і зовнішньополітичним аспектам проблеми.

Ключові слова: «Велика Болгарія», національно-визвольний рух, Сан-Стефанський договір, Берлінський трактат.

Кузьменко Михаил. Генезис идеи «Великой Болгарии» в 70-х гг. XIX в. В статье рассмотрен вопрос о формировании в 1870-х гг. идеи «Великой Болгарии». Автором проанализирован и охарактеризован ряд факторов общественно-политического характера, повлиявших на оформление данной концепции. Уделено внимание как внутри-, так и внешнеполитическим аспектам проблемы.

Ключевые слова: «Великая Болгария», национально-освободительное движение, Сан-Стефанский договор, Берлинский трактат.

Kuzmenko Mikhail. The genesis of great «Great Bulgaria» idea in 70's of XIX century. The article deals with the formation of «Great Bulgaria» idea in 1870's. The author analyzed and characterized a number of socio-political factors, which influenced on formulation of this concept. Due attention is paid to both internal and foreign policy aspects of the problem.

Key words: «Great Bulgaria», national-liberation movement, Treaty of San Stefano, Treaty of Berlin.

Балканский полуостров на протяжении длительного времени известен как политически напряженный и нестабильный регион. Таковым он остается и поныне. Эти земли часто становились ареной ожесточенных вооруженных столкновений, корни которых следует искать во многом в этнических противоречиях и великодержавных амбициях балканских государств. Данные два аспекта проблемы непосредственно связаны между собой. В этом свете важным и необходимым является исследование природы «Великих идей», их генезиса.

Первые концепции такого рода появились на Балканском полуострове в 1840-х гг. К ним относились идея «Великой Сербии», предполагавшая

создание сербского государства в средневековых границах [4], и греческая «Мегали идея», подразумевавшая реставрацию Византийской империи с центром в Константинополе [6]. В 1870-х гг. происходит процесс становления подобной концепции еще в одной стране региона – Болгарии. В этот период у болгар окончательно складывается представление о своей родине в ее этнических пределах, включавших в себя земли Мезии*, Фракии** и Македонии***.

В историографии данная проблема освещена не слишком глубоко. Конечно, существует большое количество работ, так или иначе затрагивающих некоторые аспекты проблемы, но специальных исследований, близких по тематике, не много. Так, стоит отметить работы Д. Дойнова, В. Конобеева, Б. Рангелова, С. Радева, И. Унджиева [12; 19; 30; 31; 35] содержащие хороший фактический материал по истории освободительного движения и внутреннеполитическом положении стране. Труды О. Айрапетова, Н. Василева, Ц. Гецова, Х. Глушкова, С. Гоцева, С. Дойнова, Н. Киняпиной, С. Мургузалиева и М. Магомедовой [1; 5; 8; 10; 13; 18; 22] содержат информацию по внешнеполитическим аспектам проблемы; Р. Гришиной, С. Елдырова, З. Марковой, П. Петрова и Х. Темелски, И. Чуркиной [11; 15; 21; 23; 39] – по церковным.

В ходе исследования была использована обширная источниковая база. Это материалы болгарской периодики [3], международные договоры [2; 33], документы, касающиеся внутривосточной жизни страны [7; 14; 16; 20; 24; 25; 26; 27; 28; 29; 34].

Целью данной работы является характеристика процесса становления болгарской великодержавной идеи, происходившего в 1870-х гг.

Этнический состав Мезии (в источниках часто именуемой Болгарией), Фракии и Македонии в исследуемый период был неоднородным. Среди населения региона преобладали болгары, о чем можем судить из российского «Военно-статистического очерка на 1868 г.» под редакцией генерала Н. Обручева. Так, в нем говорится, что в интересующих нас областях они составляли абсолютное большинство немусульманского населения – 4095981 чел. из 4767393. Оставшиеся примерно 700000 чел. складывались из греков (355000), румын (65878), сербов (41284), евреев (18241) и представителей других национальностей. Кроме того, болгары превосходили по численности и мусульманское население региона [1], среди которого стоит выделить помаков – болгар, исповедующих ислам. По оценкам современников Л. Каравелова и П. Славейкова, их численность равнялась примерно 500000 –

* Историко-географическая область Балкан, располагается между Нижним Дунаем и Балканскими горами.

** Историко-географическая область на востоке Балкан, простирается от северного побережья Эгейского и Мраморного морей до Балканских гор.

*** Историко-географическая область на Балканах, располагающаяся в бассейнах рек Бистрица, Вардар, Струма и на побережье Эгейского моря. Состоит из трех частей: Эгейской, Вардарской и Пиринской Македонии.

700000 человек [37]. Помимо национального, жителей данных территорий объединяли также конфессиональный и языковой факторы – основная масса населения исповедовала православие и разговаривала на болгарском языке, его говорах и диалектах. Стоит также отметить, что в период Средневековья вышеуказанные земли на протяжении длительного времени входили в состав Первого и Второго болгарских царств [32].

Несомненно, упоминания о Болгарии в границах Мезии, Фракии и Македонии встречаем и до исследуемого периода. Так, в сходных пределах она фигурирует в трудах русского болгариста Ю. Венелина (1802-1839) [1], на этнографических картах чеха П. Шафарика (1842), серба Д. Давидовича (1848), француза Г. Лежана (1861), русского М. Мирковича (1867), англичанок Д. Маккензи и П. Ирби (1867) [32] и т.д. Внутри страны также можем встретить подобные взгляды. К примеру, в уставе Тайного центрального болгарского комитета – политической организации, действовавшей в 1866–1868 гг., болгарская территория очерчивалась границами «Болгарии, Фракии и Македонии» [31]. Хотя подобные воззрения еще не были широко распространены и об окончательном формировании подобного образа страны в тот момент говорить было бы не верным.

В 70-х гг. XIX в. у местного населения складывается представление о Болгарии как о регионе в границах Мезии, Фракии и Македонии. Это связано с видением страны в таких границах болгарскими политическими деятелями, и с тем, что первая общеполитическая институция, обладавшая определенными административными правами – Болгарский экзархат, распространяла свое влияние на данные территории.

Учреждение турецким султаном Абдул-Азизом Болгарской церкви в 1870 г стало важным событием изучаемого нами периода, внесшем вклад в становление идеи «Великой Болгарии». Согласно султанскому фирману (указу), Экзархат, формально оставаясь в составе Константинопольской патриархии, становилась самостоятельной структурой в форме экзархата. Ее главой в 1872 г. был избран Видинский митрополит Анфим [23]. Тогда же Константинопольская патриархия, противившаяся получению Болгарской церковью какой бы то ни было самостоятельности, объявила ее схизматической, обвинив в ереси и вероотступничестве [38, с. 174].

В состав Экзархата вошло 15 епархий, в которых преобладающим являлось болгарское население. В его состав могли войти соседние епархии со смешанным населением, но в том случае, если 2/3 от общего числа православных жителей региона изъявят подобное желание. Данный пункт фирмана был использован Экзархатом для расширения своих границ, главным образом за счет епархий в Македонии [23]. В итоге церкви удалось собрать под своей властью большинство этнических болгарских территорий в Мезии, Фракии и Македонии.

Само создание Болгарского экзархата имело большое значение для развития Болгарии в исследуемый период. Порта осуществляла управление своими землями руководствуясь не национальными, а религиозными

принципами. В подобных условиях важнейшей чертой, определявшей принадлежность человека к той или иной национальной общности, являлось его вероисповедание, вхождение в ту или иную религиозную общину. Церковь была хранительницей веры, культуры, традиций народа [39, с. 193]. Соответственно, она способствовала консолидации этноса, играла определенную роль в процессах формирования нации. Создание Болгарского экзархата означало официальное признание болгар отдельной этнической и религиозной общностью.

Создание самостоятельной Болгарской церкви имело национально-политические мотивы, которым часто придавалось большее значение, чем духовным и культурным. В отсутствии, кроме церкви, каких-либо других болгарских представительных перед турецкими властями структур с рядом административных функций, именно ее хотели использовать в роли объединяющей силы. Например, Христо Ботев, один из лидеров болгарского национально-освободительного движения, на страницах газеты «Знаме» в 1875 г. писал: «[Болгарский] экзархат нужен лишь для того, чтобы собрать разрозненные части народа и соединить их в единое целое» [11]. Фактически, церковь использовалась в политических целях – для создания основы политического общества. Да и сама церковно-освободительная борьба воспринималась больше как национальная и политическая, как борьба за национальное превосходство над греками и за политическое обособление в рамках Османской империи [15, с. 174].

Создание Болгарского экзархата, таким образом, послужило мощным толчком для консолидации и обособления болгарского этноса, для создания образа Болгарии в границах Мезии, Фракии и Македонии, на значительную часть которых распространялась власть Болгарской церкви.

Подобные взгляды прослеживаются и у представителей болгарского национально-освободительного движения, ключевую роль в котором в начале 1870-х гг. играл Болгарский революционный центральный комитет (БРЦК). В его программе, составленной одним из лидеров организации Л. Каравеловым, очерчиваются, правда без конкретного указания границ, территории, на которые претендовали болгары: «Мы хотим, чтобы та земля, которая населена болгарами, управлялась по-болгарски...» [25, с. 19]. Аналогичной точки зрения придерживался В. Левски. Не менее значительная фигура, чем Л. Каравелов, в БРЦК, который считался главным «Апостолом» (наиболее авторитетным руководителем революционно-освободительного движения) «Болгарии, Фракии и Македонии» [35].

Помимо БРЦК, подобные взгляды имел ряд других болгарских организаций. Так, Добродетельная дружина и Одесское настоятельство, созданные болгарами-эмигрантами в середине 1850-х гг. в Бухаресте и Одессе соответственно, относили к болгарским землям Болгарию, Фракию и Македонию, указывая на преобладание в них болгарского этноса [31].

В работах уже упоминавшегося Христо Ботева видим схожую позицию относительно границ этнической болгарской территории. В одной из статей в газете «Знаме» он писал, что «болгары, которые

населяют Болгарию, Фракию и Македонию» должны составить отдельное независимое государство [3].

Подобное видение территории страны характерно для всего тогдашнего болгарского политикума. Так, в исследуемый период в болгарской политической жизни выделяются две группировки – либеральных «молодых» и консервативных «старых», которые вели между собой живые споры касательно политического устройства страны. Единственным, не порождавшим никаких конфликтов между «молодыми» и «старыми», был вопрос о границах будущего болгарского государства, которое и те, и другие видели в пределах Мезии, Фракии и Македонии [31].

Это можем считать свидетельством того, что в революционно-освободительном движении страны укрепилось видение болгарских земель в таких границах.

Более ярко территориальный вопрос очерчивается к апрелю 1876 г., когда в Болгарии произошло восстание против турецкого владычества. Так, воззвание с призывом к восстанию начинается предложением: «Наступает день народного восстания всех болгар в Болгарии, Фракии и Македонии» [7, с. 117]. То есть достаточно четко очерчиваются границы расселения болгарского этноса, земли на которые болгары обозначали свои претензии. Воззвание интересно еще и тем, что в нем встречаем апелляцию к средневековому прошлому Болгарии – к периоду правления царей Симеона I, Бориса I и Ивана Асеня II [7, с. 117]. В те времена Болгарское царство занимало значительную часть Балканского полуострова [32].

Наряду с Апрельским восстанием в Болгарии в середине 1870-х гг. на Балканах начинается еще несколько вооруженных конфликтов, носящих антитурецкий характер. Эти события резко обострили положение на полуострове и в итоге вылились в Восточный кризис. С целью разрешения конфликта мирным путем в декабре 1876 г. была созвана Константинопольская конференция Великих держав [18, с. 12-16]. Рассматривался на ней и болгарский вопрос.

Еще до начала работы конференции, осенью 1876 г., Болгарским центральным благотворительным обществом (организация болгар-эмигрантов в Бухаресте, созданная в 1876 г.) была разработана политическая программа, тогда же принятая Болгарским Народным собором. Нас более всего интересует первый ее пункт: «Возобновление на землях Болгарии, Фракии и Македонии болгарской державы, где главным и преобладающим элементом будет болгарский» [24, с. 556-557]. Данная программа была представлена российским дипломатам как образец территориальных и политических желаний болгар, и была принята во внимание российской стороной во время составления проекта решения проблем на Балканах [22, с. 71].

В изначально представленном русском проекте территория Болгарии очерчивалась следующим образом: «Болгария будет автономной провинцией Оттоманской империи, состоящей из Дунайского и Софийского вилайетов, Филиппопольского и Сливенского санджаков и

болгарских районов Македонии» [14, с. 496]. За пределами Болгарии в таком случае оставались бы часть Фракии и Македонии. В ходе работы конференции по настоянию английской стороны некоторые положения проекта были изменены. Решено было разделить Болгарию в меридиональном направлении на две области – Восточную и Западную, чтобы не нарушать внутреннего равновесия в Турции [31]. Ведущие западноевропейские государства имели в Османской империи свои политические и экономические интересы, а потому им было не выгодно существенное ослабление турецкой державы. Особенно нежелательным было создание крупного государства на Балканах для Австро-Венгрии, стремившейся к расширению за счет земель полуострова. Но в целом, несмотря на отказ от создания автономной Болгарии в границах, близких к этническим, решения конференции свидетельствовали о признании Европой болгарской нации и ее права в будущем создать свое государство на конкретной территории.

Решения конференции были отклонены Портой [18, с. 16-18], как и последовавший Лондонский протокол, являвшийся очередной попыткой мирного урегулирования ситуации [17, с. 298-299]. Игнорирование турками объединенной воли Европы дало России возможность обеспечить нейтралитет держав региона в грядущем военном конфликте с Портой. В апреле 1877 г. Россия объявила Турции войну.

В данный конфликт Россия вступала как защитница славянских народов от османского владычества. В стратегическом плане войны генералом Н. Обручевым ставилась цель: «Врывать из власти турок ту христианскую страну (Болгарию), в которой они совершили столько злодейств. Эта страна ... включает в себе три части: Придунайскую Болгарию с Русуком и Трновом, Забалканскую – с Софиєю и Македонскую – с Монастырем (или Битолем)» [1]. Фактически, уже к началу войны как у российских правящих кругов, так и у болгар сложился образ Болгарии именно в пределах Мезии, Фракии и Македонии. Соответственно, национально-освободительные устремления народа сводились к созданию государства в таковых границах.

И территория Болгарского государства, созданного после Русско-турецкой войны 1877–1878 гг., практически полностью соответствовала подобному образу. 19 февраля (3 марта) 1878 г. в местечке Сан-Стефано, что под Константинополем, был подписан мирный договор между Российской и Османской империями. Согласно ему, территория зависимого от Турции Болгарского княжества включала в себя Мезию, большую часть Македонии и Фракии [33], охватывая территории от Дуная до Салоник и от Черного моря до Охрида [10, с. 16]. По сути, такие государственные границы во многом совпадали с пределами этнических болгарских территорий, и с границами Болгарского экзархата [12, с. 28]. Однако ряд территорий не вошел в состав Болгарии по политическим и стратегическим соображениям, не смотря на то, что болгары местами составляли там 60 и 80 % населения. За пределами государства остались, к примеру, несколько округов со

стороны Эпира, большая часть Адрианопольского округа [16, с. 548-551], Салоники и Северная Добруджа, отошедшая к Румынии [22, с. 93].

Необходимо отметить, что ключевую роль в процессе подписания договора и, соответственно, самом создании «Сан-Стефанской» Болгарии сыграл русский дипломат граф Н. Игнатъев, которого нередко именуют «творцом Большой Болгарии» [36, с. 326].

Большей частью населения Болгарии Сан-Стефанский договор был встречен с восторгом. Границы Княжества во многом укладывались в пределы тех самых Мезии, Фракии и Македонии, которые и должны были составлять, согласно устоявшемуся к тому времени мнению, территорию государства – «Великой Болгарии». Но подобные эмоции были характерны не для всех слоев болгарского общества. Так, интеллигенция негативно отнеслась к потере большей части Добруджи, считая Дунай стал болгаро-румынской границей. Адрианополь и Салоники остались в составе Османской империи [22, с. 93]. Но, даже не смотря на это, границы, установленные Сан-Стефанским договором, были приняты болгарами как нечто сакральное, хотя территория Княжества Болгария была не идеальна со стратегической и этнической точек зрения [5, с. 21-26].

Реакция на подписание Сан-Стефанского договора среди многих европейских государств была резко негативной. Великие державы не были заинтересованы в усилении позиций России на Балканах. Государства полуострова же были недовольны чрезмерным, по их мнению, усилением Болгарии и выдвигали к ней ряд территориальных претензий. [8, с. 129-130]. С целью разрешения возникших противоречий и для пересмотра решений, принятых в Сан-Стефано, в июне 1878 г. начал свою работу Берлинский конгресс. В ходе его работы русская делегация, возглавляемая графом П. Шуваловым, предпринимала попытки к сохранению единой Большой Болгарии. В случае успеха, это позволило бы России не только упрочить свое положение на Балканах и дать болгарам единое национальное государство, но и преградить Австро-Венгрии – главному своему конкуренту на Балканах, путь к Эгейскому морю [36, с. 327]. Но старания русских делегатов завершились неудачей. Итогом работы конгресса стало подписание в июле 1878 г. Берлинского трактата. Что касается территориального аспекта, то болгарское государство было разделено на три части – Княжество Болгария, включавшее в себя Северные районы страны с Софийским санджаком и располагавшееся от Дуная до Балкан; Восточную Румелию, занимавшую районы Болгарии к югу от Балканских гор; Македонию и часть Фракии, оставленные в составе Турции на правах обычной провинции. Нишский санджак отошел к Сербии. Княжество Болгария имело вассальный статус по отношению к Османской империи, Восточная Румелия стала автономной областью в составе Османского государства [2].

Подобные территориальные изменения негативно отразились на настроениях болгарского населения и политической элиты страны. Болгарские земли оказались в составе трех различных государственных

образований. Это фактически означало, что только достигнув освобождения, болгарский народ не смог создать национальное государство, занимавшее бы всю этническую болгарскую территорию [31]. Болгары были крайне недовольны подобным разделением своей страны. За короткие месяцы своего существования границы Сан-Стефанского договора стали для них символом «идеального отечества» – «Великой Болгарии».

Уже в начале октября 1878 г. в Македонии и Фракии началось восстание, известное впоследствии под названием Кресненско-Разложского. Желанием восставших было улучшение условий собственной жизни (экономическая ситуация в области была удручающей, значительная часть населения обнищала), и наиболее приемлемым вариантом решения проблемы виделось объединение с остальными этническими болгарскими землями [12]. В то же время в стране возникают общества, пропагандирующие идею болгарского единства. Наиболее ярким примером подобной организации был благотворительный комитет «Единство», целью деятельности которого провозглашался лозунг: «Единство всех болгар и улучшение их сегодняшнего положения» [29, с. 210-211]. Комитет оказывал помощь восставшим в Македонии и Фракии [27, с. 251], значительная часть его бюджета шла на открытие училищ, помощь сиротам, просветительскую деятельность [28, с. 337]. Нередки были демонстрации, участники которых выражали стремление к объединению болгарского народа в пределах одного государства и выказывали недовольство возвращением некоторых земель под власть Порты [19, с. 100].

В подобных условиях Болгарский экзархат оставался единственным общеполитическим институтом, имевшим определенную власть над населением не только Болгарского княжества, но и Восточной Румелии, и Македонии. Церковь поставила себе задачей объединение болгарского этноса. Так, Экзарх Иосиф I, сменивший на этом посту Анфима в 1878 г., определял своей миссией и долгом объединение всего болгарского населения. Особенное внимание должно было уделяться Македонии, в которой, по словам Экзарха, проживало от 1200000 до 1500000 болгар [23]. Церковь, по сути, становится своеобразным столпом болгарского великодержавия, объединяя под своей властью земли, пределы которых во многом совпадали с границами «Великой Болгарии». Правда, о полном совпадении таковых границ говорить не приходится – некоторые из епархий, на которые претендовала Болгарская церковь, входили в состав Румынской и Сербской церквей, а также Константинопольской патриархии [21, с. 237-247].

Национальный вопрос был затронут и Учредительным собранием 1879 г., созданным для обсуждения и принятия Основного закона страны. Некоторые группы депутатов предлагали не начинать работы Собрания до объединения болгарских земель в пределах одного государства [34, с. 434]. Данные предложения не были реализованы, но на Собрании

национальный вопрос вызвал немало дискуссий. Что интересно, в обсуждении вопроса в равной мере активно, и находясь на схожих позициях, принимали участие как консервативно, так и либерально настроенные депутаты, сходясь в мнении о необходимости объединения страны [30]. Однако, самостоятельно выполнить данную задачу Болгария была не в силах, а Великие державы, к которым ряд болгарских политиков апеллировал касательно пересмотра решений Берлинского трактата, предпочитали не нарушать установленный летом 1878 г. баланс сил на Балканах. Вследствие этого, обсуждение территориального вопроса участниками Учредительного собрания постепенно теряет остроту, и в итоге постепенно сходит на нет. В Конституции Болгарии, принятой Собранием, территориальные претензии страны не обозначались [20].

Великодержавные устремления нашли отражение и в воззрениях первых болгарских политических партий. Так, стремление к объединению народа в пределах одного государства прослеживается в программе Либеральной партии, принятой в июне 1879 г. Центром подобного объединения должно было стать Княжество Болгария [25, с. 18-20]. В том же 1879 г. была создана Консервативная партия Болгарии, ставившая перед собой схожие цели [25, с. 40-45]. О ее позиции по данному вопросу можем судить исходя из слов ее лидеров, в частности К. Стоилова, отстаивавшего подобную точку зрения в Учредительном собрании [30]. Но решение вопроса обеими политическими силами откладывалось до наступления более благоприятных внешнеполитических условий [25, с. 18, 45].

Что касается позиции избранного в 1879 г. князем Александра Батенберга, то здесь также видим желание присоединить к Болгарии Восточную Румелию и Македонию [9]. Хотя в интересующий нас период серьезных шагов в этом направлении монархом не было предпринято.

Итак, в 1870-х гг. болгарская «Великая идея», под влиянием внутривнутриполитических факторов, оформилась в более-менее четкую концепцию, которая потом корректировалась решениями конференции в Константинополе и Сан-Стефанским договором. Положения же Берлинского трактата побудили многих болгарских политиков и общественных деятелей говорить о существовании «реальных» границ страны, соответствующих Сан-Стефанскому договору. Берлинским трактатом была заложена основа для болгарского реваншизма и ирредентизма. О. фон Бисмарк говорил: «Освобожденные нации не благодарны, но требовательны» [1]. И лучше всего эта требовательность проявляется в попытке осуществления идеи великого национального государства, в данном случае – идеи «Великой Болгарии». Эта политическая концепция рождается, по сути, практически одновременно с Болгарским государством и на достаточно длительное время станет его «спутником» и определяющим фактором во внешней политике Софии.

Литература

1. *Айрапетов О.* О причинах начертания Сан-Стефанских границ Болгарии / О. Айрапетов. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.zapadrus.su/slavm/ispubsm/210-2010-12-22-13-32-34.html>. Доступ – 29.05.2011 г.
2. *Берлинский* трактат. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://hrono.ru/dokum/1800dok/1878berlin.php>. Доступ – 29.05.2011 г.
3. *Ботев Х.* Пролятата за свобода кръв ще измие племенните раздори / Х. Ботев // Знаме. – 1874. – № 3. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.slovo.bg/showwork.php3?AulD=1&WorkID=3188&Level=3>. Доступ – 29.05.2011 г.
4. *Булатович Л.* Идея Великой Сербии / Л. Булатович. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.otechestvo.org.ua/main/20079/1517.htm>. Доступ – 29.05.2011 г.
5. *Василев Н.* Триумфите и катастрофите на българската дипломация / Н. Василев. – София, 1999.
6. *Виноградов В.* Об исторических корнях «горячих точек» на Балканах / В. Виноградов. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://vivovoco.rsl.ru/VV/PAPERS/HISTORY/BALKANS.HTM>. Доступ – 29.05.2011 г.
7. *Воззвание* к Болгарскому народу с призывом к восстанию // Хрестоматия по истории южных и западных славян / [под ред. В. Карасева]. – Минск, 1989. – Т. 2. – С. 117-118.
8. *Глушков Х.* Справедливые войны – несправедливый мир. 130 лет русско-турецкой войне и Берлинскому конгрессу / Х. Глушков // Дриновский збірник. – Харків – Софія, 2009. – Т 3. – С. 123-132.
9. *Гоков О.* Образ князя Александра Баттенберга в российской мемуаристике последней четверти XIX – начала XX вв. / О. Гоков. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://ricolor.org/europe/bolgaria/br/his/11_02_2011/. Доступ – 29.05.2011 г.
10. *Гоцев С.* Борби на българското население в Македния срещу чуждите аспирации и пропаганда 1878–1945 / С. Гоцев. – София, 1991.
11. *Гришина Р.* Феномен Болгаркой православной церкви / Р. Гришина // Человек на Балканах. Социокультурные измерения процесса модернизации на Балканах (середина XIX – середина XX в.). [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.promacedonia.org/chb2007/index.htm>. Доступ – 29.05.2011 г.
12. *Дойнов Д.* Кресненско-Разложкото въстание, 1878–1879 / Д. Дойнов. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.promacedonia.org/dd2/index.html>. Доступ – 29.05.2011 г.
13. *Дойнов С.* Руско-турската освободителна война (1877–1878) в историческа съдба на българския народ / С. Дойнов // Дриновский збірник. – Харків – Софія, 2009. – Т. 3. – С. 24-30.
14. Донесение А. Н. Церетелева Н. П. Игнатьеву о составлении проекта устройства Болгарии // Освобождение Болгарии от турецкого ига / [под ред. С. Никитина]. – М., 1961. – Т. 1. – С. 487-502.
15. *Елдърв С.* Руско-турската освободителна война в славянофилска доктрина на българската православна църква (1877–1944) / С. Елдърв // Дриновский збірник. – Харків – Софія, 2009. – Т. 3. – С. 174-185.

16. Записка Н. П. Игнатъева о положении и границах Болгарии после Сан-Стефанского договора // Освобождение Болгарии от турецкого ига. – М., 1961. – Т. 2. – С. 548-551.
17. История Болгарии / [под ред. П. Третьякова]. – М., 1954. – Т. 1.
18. *Киняпина Н.* Основные этапы политики России в Восточном кризисе 1875–1878 гг. / Н. Киняпина // Россия и восточный кризис 70-х гг. XIX века / [под ред. В. Карасева]. – М., 1981. – С. 6-22.
19. *Конобеев В.* Борьба болгарского народа за национальную независимость в период Русско-турецкой войны 1877–1878 годов и против решений Берлинского конгресса / В. Конобеев // Освобождение Болгарии от турецкого ига / [под ред. П. Третьякова]. – М., 1953. – С. 71-138.
20. Конституция на Българското княжество. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://bg.wikisource.org/wiki/Конституция_на_Българското_княжество. Доступ – 29.05.2011 г.
21. *Маркова З.* Българската екзархия 1870–1879 / З. Маркова. – София, 1989.
22. *Муртузалиев С., Магомедова М.* Дипломатическая и административная деятельность России в Болгарии (1850-е – 1885 годы) / С. Муртузалиев, М. Магомедова. – Махачкала, 2009.
23. *Петров П., Темелски Х.* Църква и църковен живот в Македония. / П. Петров, Х. Темелски. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.promacedonia.org/pp_ht/index.html. Доступ – 29.05.2011 г.
24. Письмо БЦБО А. М. Горчакову с просьбой оказать поддержку политической программе, принятой первым Болгарским Народным собором // Освобождение Болгарии от турецкого ига / [под ред. С. Никитина]. – М., 1961. – Т. 1. – С. 556-557.
25. *Програми*, програмни документи и устави на буржоазните партии в България / [сост. В. Николова]. – София, 1992.
26. *Программа* Болгарского революционного центрального комитета // Хрестоматия по истории Южных и Западных славян / [под ред. В. Карасева]. – Минск, 1989. – Т. 2. – С. 19-20.
27. *Протокол* заседания Тырновского благотворительного комитета «Единство» о помощи Кресненскому восстанию // Освобождение Болгарии от турецкого ига / [под ред. С. Никитина]. – М., 1961. – Т. 3. – С. 251.
28. *Протокол* заседания Тырновского благотворительного комитета «Единство» о расходовании средств комитета // Освобождение Болгарии от турецкого ига / [под ред. С. Никитина]. – М., 1961. – Т. 3. – С. 337-338.
29. *Протокол* заседания Тырновского благотворительного комитета «Единство» о создании комитета и его задачах // Освобождение Болгарии от турецкого ига / [под ред. С. Никитина]. – М., 1961. – Т. 3. – С. 210 – 211.
30. *Радев С.* Строителите на съвременна България. Т. 1. / С. Радев. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.slovo.bg/showwork.php3?AuID=101&WorkID=2842&Level=1>. Доступ – 29.05.2011 г.
31. *Рангелов Б.* Политическият национализъм на българското националноосвободително движение през Възраждането / Б. Рангелов. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://simvol.boinaslava.net/index.php?page=start>. Доступ – 29.05.2011 г.
32. *Ризовъ Д.* Българите въ техните исторически, етнографически и политически граници / Д. Ризовъ. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.promacedonia.org/en/dr/index_bg.html. Доступ – 29.05.2011 г.

33. *Сан-Стефанский* прелиминарный мирный договор. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://hrono.ru/dokum/1800dok/1878sanstef.php>. Доступ – 29.05.2011 г.
34. *Телеграмма* русского консула в Тырнове И. В. Белоцерковца Н. К. Гирсу о прибытии в город депутатов Македонии и Восточной Румелии и о разногласиях по поводу протеста против решений Берлинского конгресса // Освобождение Болгарии от турецкого ига / [под ред. С. Никитина]. – М., 1961. – Т. 3. – С. 434.
35. *Унджиев И.* Апостолът на свободата / И. Унджиев. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.point-of-view.org/?p=334>. Доступ – 29.05.2011 г.
36. *Хевролина В.* Николай Павлович Игнатъев. Российский дипломат / В. Хевролина – М., 2009.
37. *Христов Х., Янков Г.* Очерк за ислямизираните българи и националновъзродителния процес / Х. Христов, Г. Янков. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.promacedonia.org/hh_gja/hh_gja_sydyr.html. Доступ – 29.05.2011 г.
38. *Чорній В.* Історія Болгарії / В. Чорній. – Львів, 2007.
39. *Чуркина И.* Национальная церковь на Балканах как фактор национальной консолидации сербов и болгар / И. Чуркина // Человек на Балканах в эпоху кризисов и этнополитических столкновений XX века. – СПб., 2002. – С. 190-203.

УДК 94 «1921/1930»+336.22(09)

Розвиток системи місцевого оподаткування в 1921–1930 рр. (на прикладі Петрограду-Ленінграду)

Орленко Олена

Орленко Олена. Розвиток системи місцевого оподаткування в 1921–1930 рр. (на прикладі Петрограду-Ленінграду). У статті аналізується політика радянської держави в 1921–1930 рр. спрямована на відновлення системи місцевого оподаткуванні та визначені її особливості на прикладі Петрограду-Ленінграду як специфічної господарської одиниці. Робиться висновок, що Петроград-Ленінград відзначався більш високими ставками оподаткування у порівнянні з іншими містами СРСР і власною ініціативою в організації системи місцевого оподаткування. Зазначається, що місцеві податки в досліджуваній період виконували не лише фіскальну функцію, а й були засобом тиску на приватнокапіталістичні елементи.